

ПОЗАБЫТЫЙ
ПОЭТЪ
МАРКИЯНЪ
ШАШКЕВИЧЪ

Автор – Наталия Гаттас

Дизайн – Сергей Стafeев

Фотографии – Наталия Гаттас

Электронное издательство Наталии Гаттас

Нью-Йорк - Санкт-Петербург, ММХVI

ПОЗАБЫТЫЙ ПОЭТ

Маркиан Семёнович Шашкевич (1811-1843)

С ленивым гулом катит время
громады волн во тьму пустынь ...

Маркян Грушевіч

Галицко-русский поэт

Матушка Русь! Ты такая безконечно богатая, что позволяешь себе
дивные богатства Твои забывать: Ах, их не счасть! Есть и будут! - Да будут!
Да и были!

Вспомним, Русь, сына русского Твоего позабытого, но прекрасного,
двести лет возвращения ждущего к своей Матушке. Пора...

Маркианом Шашкевичем звался он, да недолго жил: хворь порушила.
Поэтический дар его не успел расцвести Цветом Солнечным...

Он родился Поэтом ...
Николай Устинович
Галицко-русский поэт и писатель

Почему так неотступно влечет нас прошлое? Зовет из глубины современного сердца... И мы, покорные тихому зову, удаляемся в ушедшее, оживающее для нас. Влечет ли нас туда туманная красота? Погубленная или забытая, записанная на текучих облаках? Может, ищем в прошлом, чего нет сейчас, а знаем: было...и есть, но не видим?.. И возвращается прошлое в настоящее, остается с нами...

И вот вернулись мы на 200 лет назад в Галицкую Русь в малюсенькую деревушечку Подлесье, проехав 1 час 20 мин на автобусе из Львова до развилки и пройдя 6 км до деревни пешочком: здравствуй, Подлесье!

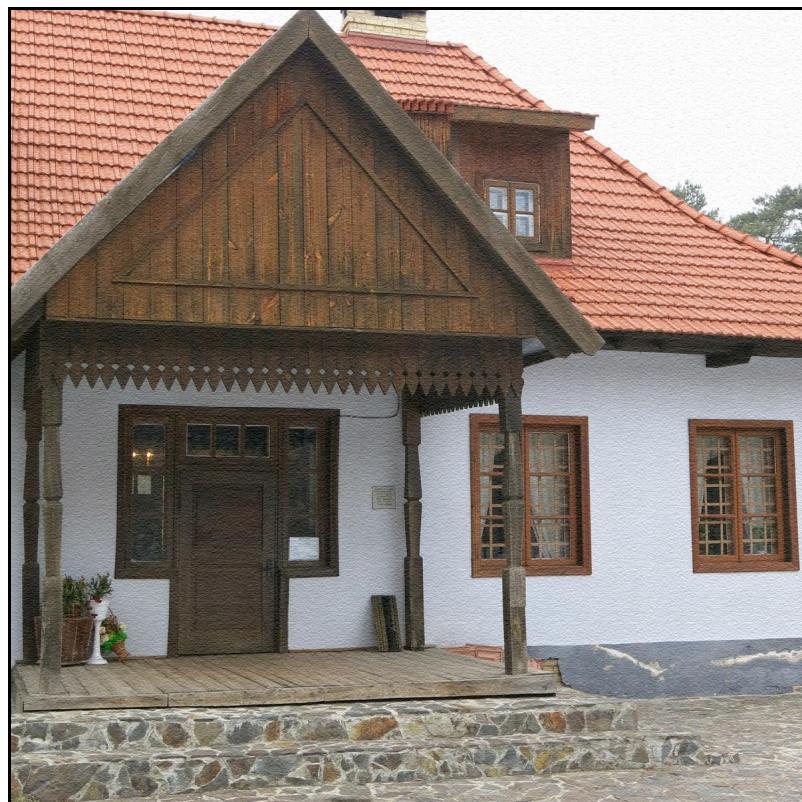

Что ищем тут? Не найдем уже в материи, но в духе. Мы приехали в прошлое в Духе, настоящее в Яви. Вот современное Подлесье, прежнее ушло, не найдем...

Дальше. Подойдем к новому дому на старом фундаменте. Сейчас здесь музей.

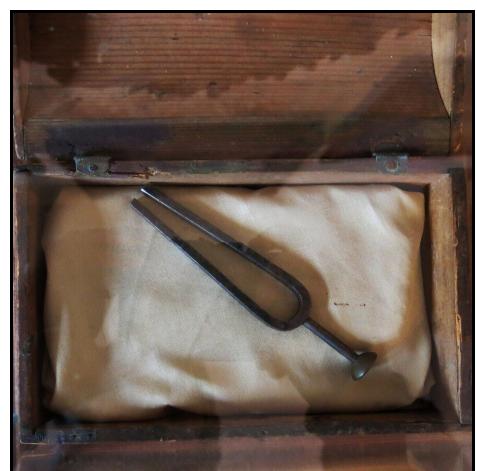
А в 1811 г. погибший дом был жив, и родился здесь 6 ноября Маркиан Шашкевич, который потом пошлет нам в сегодняшний день нежно-воздушные ажурные стихи.

Зайдем. Чисто, красиво, ухожено. Нежилое. Никогда. Вот портрет любимого дедушки Авдыковского.

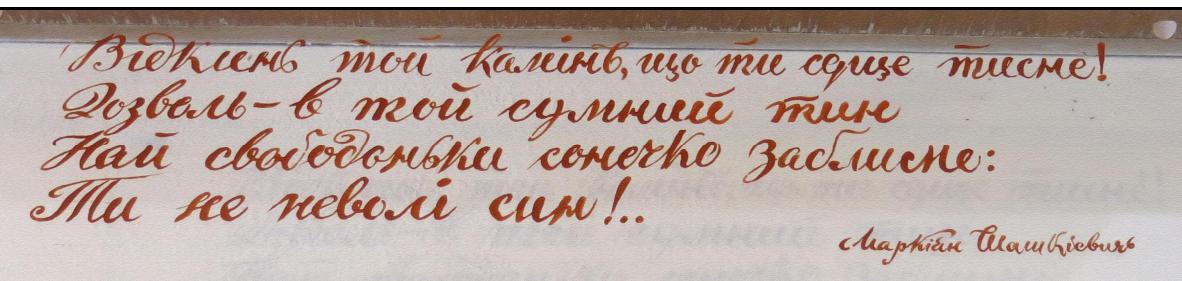
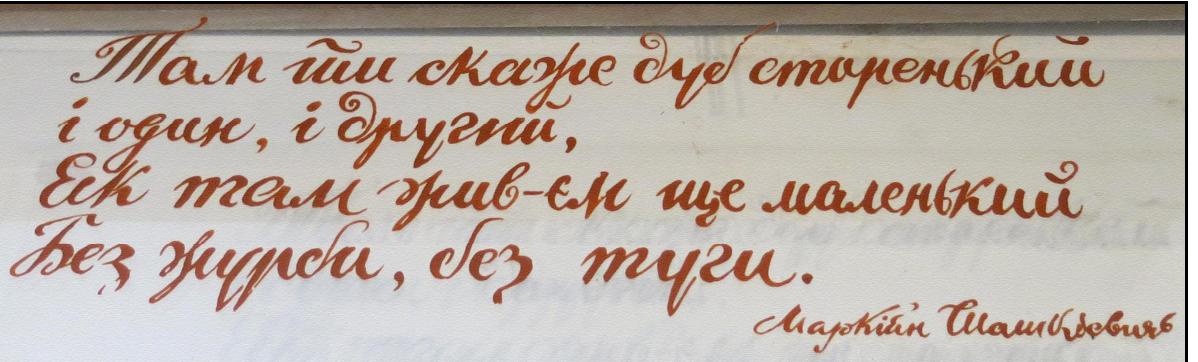
Все экспонаты той эпохи, но лишь два из них принадлежали Маркиану, и все еще хранят память прикосновения его рук: шкатулочка и камертон.

Видим безценную реликвию: оригинал первого издания "Русалки Днестровой" (Будапешт, 1837 г.). Это к тому же первая книга в крае на народном языке: родном галицко-русском наречии. В 21-м столетии нам возможно ли понять и прочувствовать огромность значения этого издания, но 178 лет назад с "Русалки" началось национально-культурное возрождение гибнувшей Галицкой Руси. Величественно?

Почитаем прекрасно оформленные висящие на стенах таблички с высказываниями Поэта: что за чудо эти поэтические мысли сына любимого края!

Выйдем во двор. Вот дуб, говорят, ему 700 лет. Он еще помнит Маркиана. Именно этот дуб упоминается в элегическом стихотворении поэта "Подлесье".

А второй дуб, тоже не забытый, состарился и упал, он тоже помнит
Маркиана своей загробной памятью. Его не убирают.

П ô д л и с ъ е

Шуми вѣtre, шуми буйный
На лѣсы, на горы,
Мою журну неси думку
На Пôдліськи дворы.

Там спочинешь , моя думко,
В зеленѣй соснинѣ;
Журбу збудешь, потѣшишь ся
У лихѣй годинѣ.

Там ти скаже дуб старенький,
И сден и другій,
Як там жив ём 'ще маленький
Без журбы , без тути.

Там ти скаже та соснина,
Й всяка деревина:
Як там 'грабло серце мое,
Свитала година.

У садочку соловѣйчик
Щебетав пѣсеньки,
Розвивав ми пѣсеньками
Лѣта молоденьки.

Там колодязь студененький,
А дуб воду тягне;
Не так щастъя, як той воды
Моя душа багне.

Пôдлісецка горо бѣла!
Як тебе не бачу,
Так ми тяжко, так ми сумно,
Шо трохи не плачу.

Веселая стороннько!
До серця 'сь припала;
Душа тебе, як милого
Мила забажала.

Там то любо, там солодко,
Весело и мило!
С миленькою у любощах
Вѣк бы ся прожило !

И элегическая криница все еще тут. Не забыла, и не забыта - она в стихе.

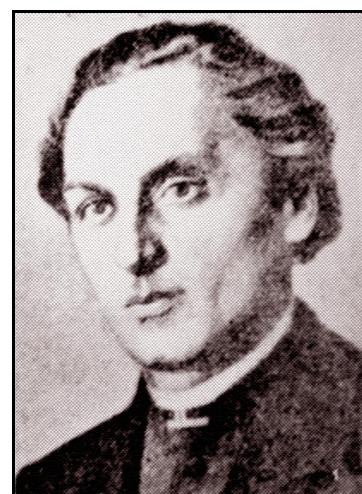

...Улетело маркианово детство из Подлесья. Годы в бережанской гимназии тоже. Теперь Львовский университет, философский факультет. Об этом чуть потом.

Как выглядел Маркиан Шашкевич? Ни прижизненных портретов его, ни фото не существует. Известный же повсеместно портрет был исполнен по описаниям друзей и по фотографии сына Владимира, очень похожего на отца. Но словесные описания сохранились.

Почитаем.

Николай Устианович (1811-1885) - сам поэт и писатель, близкий друг Маркиана пишет: "Шашкевич был среднего роста, тонкой будови тіла, м'ягеньких рис лица. Сине и сумнєе його око, юнорусе волосся і ніжність постави надавали його подоби щось дівочого. Високе його чоло було уже в молодості пописане плужком глибоких думок... На лиці обивалась якась-то тужливість і терпіння..."

М.С.Шашкевич

Священник Клим Вахнянин (1840-1890): "Маркіян Шашкевич був...не мізерний и не грубий, ясноволосий, любий з лиця, симпатичний, люблений всіми. Сині его очі робили любе вражіння."

Яков Головацкий (1814-1888) - поэт, писатель, этнограф, ближайший друг Шашкевича: "Маркиан был человек среднего роста, глаза синие, тужній, небольшой нос, кінчастый, лицо худощавое выражало якую тугу, болість." И добавляет. Когда Шашкевич "...заговорил о русской народности, родном языке, родной словесности и пр., тогда явилась сильная душа его, которая жила в том слабом теле, очи сверкнули живостью и каким-то святым вдохновением, чело немного наморщилось, и на лице проступила какая-то грозная важность - говорил сердечно, очень убежденно, он жил тем духом, жил и дышал. Одно всегда было в его мыслях: свой род, свой язык, своя словесность, своя народность! И во всем были высокие понятия, буйные думы и казацкая сила!"

Однако пора в университет, где Маркиан особенно подружился с Иваном Вагилевичем (1811-1866) и Яковом Головацким, да настолько крепко и неразлучно, что их прозвали "Русской Троицей". Друзья дали слово всю жизнь действовать на пользу своего народа и русской словесности и, чтобы подчеркнуть свою русскость, приняли славянские имена: Маркиан - Руслан, Иван - Далибор, Яков - Ярослав.

В университете Маркиан составил альбом "Русская Зоря", куда студенты вписывали свои стихи и замечания на родном языке. Позже друзья вознамерились издать этот альбом, куда бы они включили стихи и прозу на русском языке, народные песни, переводы со славянских языков. Но... Затея эта стала известна полиции, в квартире Шашкевича произвели обыск, ничего подозрительного не нашли. Саму "Зорю" Маркиан положил себе в карман и после ухода полиции избавился от нее.

"Зоря" не сохранилась, но родилась красавица "Русалка". Приведем здесь один из самых нежно-хрупких обворожительных стихов Маркиана Шашкевича: несюсторонняя чаровная "Веснѣвка".

B e с n Є в k a

Цвѣтка дрѣбная Молила неньку, Весну раненьку: — „Нене рѣдная! Вволи ми волю, Дай менѣ долю; Що б' я зацвила, Весь луг скрасила; Що бы я була, Як сонце ясна, Як зоря красна, Що бы 'м сгорнула	Весь свѣт до себе!" — „Доню голубко, Жаль менѣ тебе, Горная любко. Бо вихор свисне, Мороз потисне, Буря загуде; Краса змарнѣє, Личко зчорнїє; Головоньку склонишь, Листоньки зронишь, Жало серцю буде." —
---	--

Во время учебы на богословском факультете произошло неприятное событие, которое описала сестра Шашкевича Юлиана в послании сыну поэта Владимиру (1860 г.): “За его добросердіє суждено ему было вскоре не мало пострадати. Вступивши до семинарії, онъ думалъ, що яко духъ его свободно буле въ поднебесной области, такъ нетъ оковъ и для бренного тела. Но тутъ станулъ онъ въ противности строгому вымaganю закона. Преступление было дуже незначительно, но потягло за собою найвредливішія следствія. Соученикъ его, якийсь Б...чъ досталь позволене вийти на чать изъ семенища, и за товариша призначено ему Маркіана. Б...чъ забавился долше надъ предписану годину, а Маркіанъ по доброте своей не хотелъ друга отпустити. Оба опознились, - оба выгнаны изъ семинарії.”

Из-за этого жестокосердый отец отказался от сына. Парадокс: отец-священник, наверняка не раз отпускал грехи своим прихожанам, за благородный поступок сына счел его виновным и не простил. Воистину - благородство наказуемо. Маркиан, лишенный финансовой государственной помощи и поддержки отца, остался без крова, часто голодал, терпел лишения, разлад с отцом поверг его в отчаяние. Здоровье было подорвано, появились первые признаки чахотки. Трогательно и печально его стихотворное послание отцу.

СИН ЛЮБИМОМУ ОТЦЮ

Гадка моя, як буйний весною вітрець,
Зводиться, легким крильцем злітає,
Несесь сторонами в далеч, де отець,
Сивий голубонько, пробуває.

Живе в печалі. Боже, коли б в радості
Вік тихо, весело єму проживати,
В гаразді, здоровлю, в любой солодості
Цвітами щастя жите огортати!

Отче, ох, отче! Сли ся мені придало
Дні житя твоєго полином згірчили,
Сли коли око твоє жалем запало,
Сли-м був нещасен серце закервлити, —

Прости ми, отче, прости! Бач, я ся каю,
Жалем серце бідне мое прозябає;
Твої ноженьки слезами зливаю:
Ах! прости синові, най не загибає.

[До кінця січня 1833]

Родные Шашкевича умолили начальство семинарии проявить снисхождение. Митрополит смягчился, и Маркиан смог продолжить учебу.

В 1834 г. Шашкевич написал "Оду", посвященную 43-летию правления Императора Франца I. Это его первое печатное произведение вызвало многочисленные повсеместные благожелательные отзывы. Вот мнение Николая Устиановича относительно "Оды": "Она, можно сказать, разбудила Русь отъ глубокого сна."

Ода

Що то за краса всѣмъ свѣтомъ зацвила ?
Цы сонце ясне съ подъ небесъ ступило?
Цы небо звѣзды на землю спустило?
Цы зоря ранкомъ землевъ ся розплыла ? . .

Не сонце, не звѣзды, не ясна зоря то,
Народы велике днесъ святкуютъ свято.

Куда міръ веселый такъ прикванно скорить ?
Въ одѣжахъ святочныхъ всякий ся являе ;
Цы труба ангела свѣтъ на судъ скликае ?
Цы Боянъ вѣщій князямъ пѣсни творить ? . .

Не пѣсни Бояна, не труба ангела,
Усердна подяка въ храмъ народы звела.

Що то за голось свѣтомъ-сь розлягае ?
Цы ангеловъ пѣнье плыне воздухами ?
Цы чудными Море грае голосами ?
Цы соловѣя-птиця весну розвивае? . .

Не ангелы, не птиця пѣснь чудную творять,
Народы усердну молитву говорять

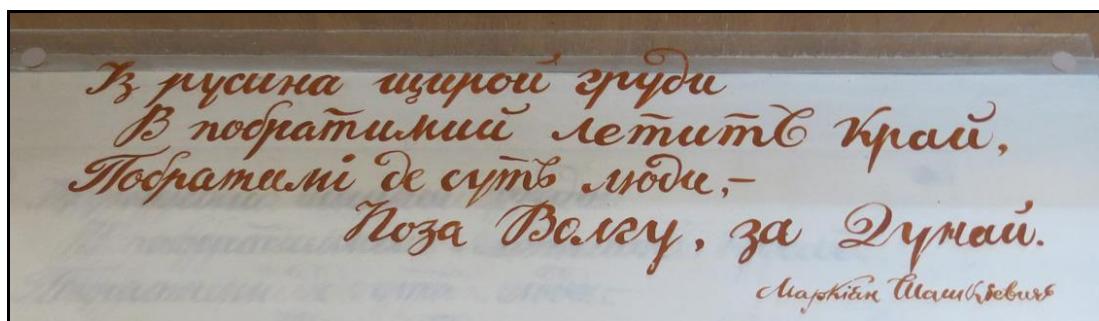
Мудросте вѣчна, доброто прекрасна !
Шо зъ вѣки водиши свѣты воздухами,
Шо ублажаешь народы Царями,
Съ которыми весь родъ, вся сторона счасна ;

Милости безконечна! Ты, жерело свѣта,
Ще царемъ Францѣшкомъ въ многа тѣшь
нась лѣта!

Поэт всегда впереди своего времени. Его вИдение мира не может быть иным, а лишь поэтическим. "Ода" не подобострастна ничуть. Она - выражение мечты Поэта: идеальный Император-Мечта. Она - романтизированная идеальная жизнь, которой никогда не было и не будет, ибо поэты смотрят в настоящее из будущего, где видят воплощенные идеалы в своем воображении: они ведь небесные мечтатели. И посему Жизнь-Мечта остается на Небесах, Поэт - на Земле.

Та же безгранична и бесконечна поэтическая мечта, и прежде всего, Маркиана Шашкевича, привела к появлению в 1837 г. сборника "Русалка Днестровая", куда частично вошла потухшая "Зоря". Потомки, то есть мы, не можем вполне осознать эпохальное значение "Русалки", как никто не думает о фундаменте, на котором построено здание: все любуются красотой его надземной, мысль о фундаменте отсутствует.

"Русалка Днестровая" - это начало новой народной литературы в результате ухода от мертвого церковно-славянского языка к живому русскому. Это голос пробуждавшейся Галицкой Руси вопреки чужебесным гонениям и отриятию самого существования русских галичан. Тираж "Русалки" (1000 экз.) почти полностью был конфискован цензурой, разошлось только около 100 экземпляров. Но "Русалка" выжила: галицко-русская литература родилась, и жизнь ее продолжилась, доказав - русский народ в Галичине есть, есть его творчество, поэты и писатели, пишущие на родном языке. Незримая, неосознанно жданная, сошедшая с Небес на Землю Русская Идея-Мечта поселилась в Галицкой Руси.

А сейчас хочу привести трогательно-милые воспоминания сестры о своем любимом брате Маркиане, задушевные воспоминания друга его Николая Устиановича и слова восхищенной благодарности галицких земляков Шашкевича. Познакомимся получше с характером Маркиана, поэлику оставлено нам... С благодарностью...

Начнем же со ставшего хрестоматийным утверждения самого Поэта:

"Сполошиши ми долю і проженеши щастя, день ми споморочиши, і світ ми западе, нуждов мя вдариш і наїлеш ми злідні, світ ми спустіє і йме ворогувати, знайде радость і плач мя огорне, туга ми ранком і вечером журба, і ніч ми не сонна і горьоване з сонцем, вырвеш ми очі і душу ми вырвеш: а не возьмеш милості і віри не возмеш, а не видреш любові і віри не видреш, бо руське ми серце та й віра руська".

Не существует других таких драгоценных свидетельств, как сестры Поэта Юлианы и друга его Николая Устиановича. Приведем и то, и другое - это как спасенный дар Небес...

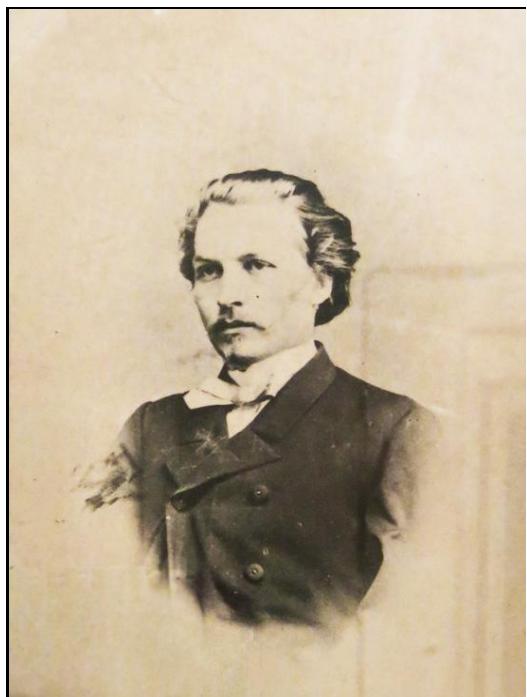
Юлиана: "А быль той Братъ мой такій добрий, таке малъ сердце для другихъ чувствительне и до посвященій здольное! Природа была ему ласкова, одарила его умомъ здоровымъ, проницательнымъ и сердцемъ такъ добрымъ,...однакось не рада я его восхваляти, бо яко самъ онъ писалъ: "Величаешся человече умомъ твоимъ, якъ день светломъ, звѣшивши, що то мае отъ сонца." - И онъ такъ горячо, такъ своею душою бажалъ защепити взаимную любовь и дружбу межъ людьми, но горе! ни онъ, ни ему подобныи не змогли и не змогутъ делами и письмами усторонити неблагодарности, которая ведь противна чувствамъ любви взаимной. Столько то живыхъ человеколюбныхъ чувствъ, такъ много усиленыхъ желаний и замысловъ и кипучой доброй воле не могло удержатись въ слабой лепанце человека: она должна была пырснуты, а духъ улететь въ лучшую краину. - Уже щъ летъ его юношескихъ помню некоторыи приключения, малозначные правда, но сведчайщи и о его добросердныхъ намеренияхъ. Бывало приеде онъ изъ школъ на свята или на вакаціи, и сочиняе намъ благожелательныи стишки для Родичівъ. Въ стишкахъ техъ, очевидно, выражалась всегда сама нежная любовь къ родине /семье/, мы ихъ учили на память, и разгревали сердца. То жъ все мы любили его, а онъ насъ взаимъ".

Вот копия начала письма сестры Шашкевича Юлианы Владимиру - сыну Маркиана.

Опубликовано галицким журналистом и издателем Богданом Дедицким.

„Любимый Еволодимір! Хочишъ ознанти отъ мене где-ще о твоемъ Отцѣ; но цожъ могъ і такъ сказать кольши, такъ суже писали о немъ иккотоири изъ его сердчныихъ пріятелей. — Особлико красно написалъ о немъ Огустыновичъ. Коли читалии его „Згадку за Маркіана,” здавалосѧ мніє, що самогоже Маркіана

Владимир Маркианович Шашкевич (1839-1885)

А теперь бесценные строки воспоминаний друга Маркиана - Николая Устиановича: "Еще въ дитинныхъ лѣтахъ отличался Маркіянъ незвычайными дарованіями, съ которыхъ наибольше вырѣзывались буйная, огнестая фантазія и глубокое преобладающее чувство. Онъ родился поэтомъ... Вспоминаютъ его школьные товариши, что Маркіянъ складалъ уже тогда трогательныи элегіи въ польскомъ языцѣ, и знать уже тогда начала его душа настраиваться къ оной и задумчивости..."

В школьныхъ наукахъ Маркіян не былъ николи между первыми, он жилъ въ свете идеальномъ и шибалъ за идеями. Красота и истіна были пищею для его духа, а исторія, языкословіе, словесность и этика свѣтомъ для его мыслей.

Будиши самъ добрымъ, онъ виделъ въ каждомъ человѣцѣ большую добрую сторону. Въ слабостяхъ людскихъ узнавалъ онъ лишь тѣнь, до истинного образа человѣчества конечне потребную, для того былъ завсегда поблажливый.

Для каждого съ своихъ товарищій сердечный и щирый, въ дружбѣ вѣрный и безусловно преданный, въ данномъ словѣ постоянный, въ суперечкахъ уступчивый, въ повѣреныхъ ему тайнахъ молчаливый, онъ былъ любимцемъ цѣлой семинаріи, а послѣ отъ всѣхъ поважнымъ сусѣдомъ."

Коротко и красиво высказался Академик А.Н. Пыпин (1833-1904): "Шашкевичъ первый пробудилъ галичанъ къ настоящей русской жизни.. .далъ услышать чародейные звуки родного слова."

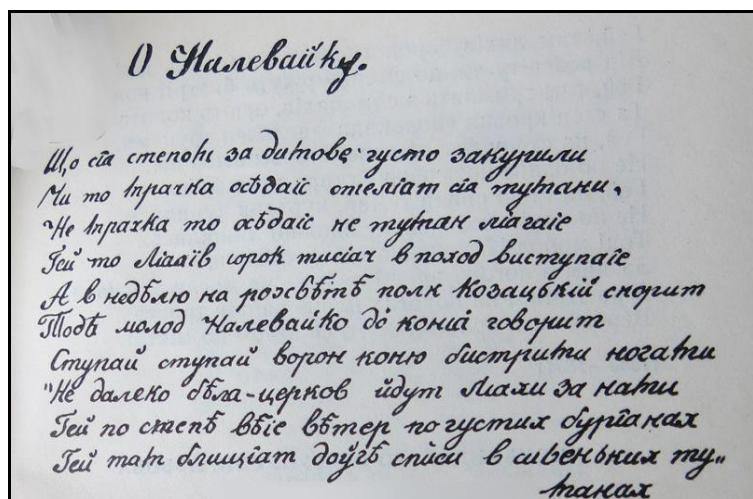
В 1911 году Галицкая Русь отмечала столетие со дня рождения незабвенного поэта Маркиана Семеновича Шашкевича.. Выдающийся галицко-русский журналист Семен Бендасюк (1877-1965) опубликовал в газете "Прикарпатская Русь" статью о Шашкевиче, где, в частности, написал: "Одно изъ раннихъ стихотвореній "Русска мати нас родила" дунуло на нашу тогдашнюю интеллигенцію, почти уже совсѣмъ ополяченную, такимъ жизнедательнымъ и жизнерадостнымъ патріотическимъ тепломъ, выразило простыми словами и въ самой скромной формѣ такой высокий апофеозъ родного слова, что даже совсѣмъ уже было позабывшія о своемъ русскомъ происхожденіи единицы, не могли не примкнуть къ новому движению."

Руска мати нас родила,
Руска мати нас повила,
Руска мати нас любила —
Чому ж мова ей не мила?
Чом ся нев стыдати маем,
Чом чужую полюбляем?

Великолепна статья безымянного автора в газете "Галичанин" от 5 ноября 1911 г., также посвященная столетию со дня рождения Шашкевича. Отрывок из нее: "Каждому человѣческому обществу свойственна нѣкоторого рода неподвижность, консерватизмъ... Для каждого народа необходимы личности, которыя толкнули бы смертные масы къ самодѣянности, къ обноруженію

кроющиhsя въ нихъ материальныhъ и духовныхъ силъ... Такія личности представляютъ въ истории каждого народа динамическую силу и на нихъ собственно покоится историческое развитие известного народа... Судьба такихъ личностей обыкновенно - борьба с одной стороны съ инерцией, присущей всякой матеріи, съ другой стороны съ враждою стихії, стремящихся овладѣть чужой неподвижной матеріей. Въ многихъ случаяхъ участъ такихъ личностей - преждевременная смерть. Такою личностю для нашей Подкарпатской Руси былъ Маркіанъ Шашкевичъ, вся заслуга котораго заключается в стремлении пробудить свою родину къ национальному самосознанию."

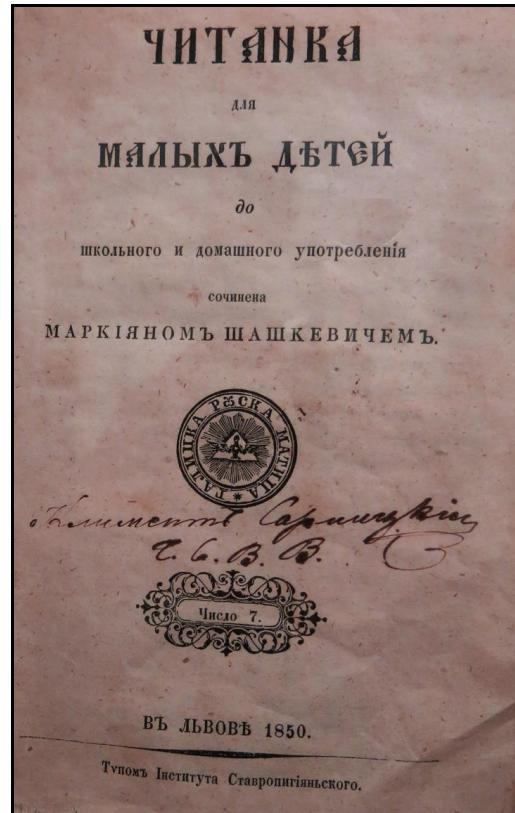
Журнал "Националист" (1912 г., №1) откликнулся на юбилей обширной статьей с историческими выкладками и рассказом о небывалой до тех пор значимости свершений незабвенного поэта: "Героический, можно сказать, подвигъ Маркіана Шашкевича, вызвалъ въ русской жизни Червонной Руси настоящій переворотъ. Начатое имъ дѣло увенчалось полнымъ успехомъ, предотвратило неминуемое было ополяченіе карпато-русского народа, призвало послѣдній къ настоящей русской жизни."

Автограф стихотворения «О Налевайку» (фрагмент)

И не могу не привести хотя бы пару строк писателя Иеронима Лузыка (1861-1935) из его книжечки: это настоящий плач со стихами по так рано погасшей звезде Маркиана Руслана Шашкевича: "...нѣжною своею пѣснею показавъ красу нашей мовы..." и ... "найбольшиою заслугою Маркіяна было се, ибо онъ першій озвався роднымъ нашимъ рускимъ словомъ."

Значительное событие произошло в 1850 г. во Львове: издан редкостный труд Маркиана Шашкевича "Читанка для малых детей". Это была первая книга для детей Галицкой Руси. Тоже великий дар Поэта, уже из Небытия.

Осталось добавить несколько заключительных штрихов к биографии Маркиана Руслана Шашкевича - Поэта дивной, неземной красоты, присланного с Небес.

После окончания духовной семинарии женился в 1838 г. на Юлии Крушинской, служил душпаstryрем в различных деревнях Галицкой Руси, конечно, продолжал писать. Последние годы жил и служил в с. Новоселках, где и скончался в июне 1843 г. на 32-м году жизни от туберкулеза. Там и был похоронен, а спустя 50 лет прах его торжественно по старинному обычаю был перевезен на волах во Львов на Лычаковское кладбище.

Со временем на его могиле установили надгробие: плачущая женщина - символ Галицкой Руси. Автор прекрасного памятника - немецкий скульптор Рудольф Тиле. В этой же могиле захоронены жена Юлия и сын Владимир...

Почитайте стихи Маркиана Шашкевича, изданные Иваном Головацким в альманахе "Венок русинам на обжинок" (1846 г.). Издатель - брат знаменитого Якова Головацкого - Ярослава из "Русалки Днестровой".

Лиха доля

Ох! ты доле, лиха доле,
Гадино ъдлива!
Переъла 'сь мое щастъе —
Горенька годино!

Запустила 'сь в мою душу
Журбу и розпуку;
Учинила 'сь мому серцю
С гараздом розлуку.

Ой, мѣсяцю, мѣсяченъку,
Тихенъко думаешь;
Моей тяжкой недоленъки
Ты певно не знаешь!

Ой ! не знаешь, ой не знаешь,
И не будешь знати:
Як то тяжко сиротонъцъ
В свѣтѣ загибати!

Сам не знаешь, ни сестричка
Звѣздонъка не скаже:
Як то горько, 'сли недоля
Милый свѣт завяже!

Тобѣ хиба тѣлько смутку,
Що хмара насуне;
А радошѣв с зброчками
З межи вас не труне.

А менѣ ось на сѣм свѣтѣ
Своє серце ъсти:
Бо с недолев бороти ся,
Як пôд воду плысти.

'Десь за морем, за горами
Мой гаразд здрѣмав ся;
'Десь з безвѣстей, з темных лѣсов
Мой смуток пригнав ся.

Ой, пригнав ся, та й вороном
Надо мнов лѣтає;
Бѣ ми серце тяжким крылом,
Радость розбиває.

Вчора вечѣр чорна хмара
Менѣ говорила:
— „Чудуешь ся, побратиме,
'Де ся доля дѣла ?...“

Твоя доля, то я була —
Я тя не минаю.
Вкрывала 'м тя чорнов мраков,
И теперь вкрываю,

И над гробом твоим мраки
'Ще мои повѣснут." ! —
Ой надѣя!.. таку долю
Най то громы трѣснут!...

Д о м и л о и

Повѣй вѣтре, вѣтросеньку,
Там 'де тужит мила,
Нехай несут там пѣсеньку
Твои легки крыла.

Повѣй вѣтре в ей городецъ,
'Де вѣнцѣ сплѣтає'
Неси вѣсти, що молодецъ
Щире ю кохає.

Ой, погладь ю, вѣтросеньку,
По ей личку бѣломъ,
Нехай знає ей серденько,
Що я єи милымъ.

Ней не плаче, ней не тужит,
Вже час ся сближає:
Пріиде милый, приголубит,
И с нев ся звѣичає. —

Н е щ а с н ы й

Кому Бог в груди дав сердце мягеньке,
И дав вродити съ' в добрую годину,
Щастье, як лѣтом сонечко тепленъке,
В житью 'му всяку огрѣває днину;
Й свѣт єму милый и солодка нѣчка,
Мысли весели и серденько грає,
Як у дубровѣ тихенъка кирничка,
Днина за днинов так єму сплыває, —
Лиш' кто в посестру взяв тяжку недолю,
Що давит сердце, як вѣдьма кощава,
Кто вражѣй нуждѣ иопав ся в неволю,
Кому с журбами и сон и забава:
Тому нѣт мѣстца ани супокою,
Нудит си свѣтом и нудит собою,
Туга до сердца як гадъ ся всилила,
Зѣѣдає мысли як змія зброчки, *)
Груди зсушила, здоровлье знорила,
Хлѣб 'му не милый, не терпит сорочки. —
Ще ж' то кто може из сердца сплакати,
Чи у куточку, чи за углом хаты,
Чи у грудь брата, або в жменю друга,
Хоть на часочек сплыне з сердця туга:
Лиш' коли слезы в грудех скаменѣли,
И в тяжку скалу над сердцем ся сбили,
Разбѣз десять що день рад бы 'сь вмерти —
Годѣ! а годѣ! .. потѣхи, ни смерти! —

*) Є межи народом повѣрка, що чаровницѣ звѣзды знимають; в однѣй пѣснї каже ся лихѣй матери:
Зѣѣла 'сь сонце, зѣѣла 'сь мѣсяцъ,
Зѣѣжъ и зброчки, дробни дѣточки! —
(см. Пѣсни Малоросс. изд. М. Максимовичей. Москва 1827. кн. I. „Злая мати.”)

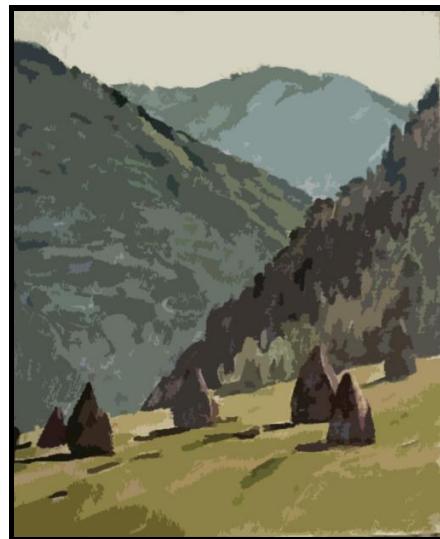
Розпуха

Ой, за тихими водами
Сумно, та й смеркло ся;
Ой, як голос меж' горами
Щастє розбило ся!

Летит ворон чорноокрилый,
За ним затудъло;
Щастє мое, гаразд милый
На вѣки зныдъло.

Тяжко голубу малому
Горы перебити:
Ой, 'ще тяжше безродному
На сѣм свѣтѣ жити.

Ты, зозуле сивенькая,
Закуй ми сумненько;
Най розпуха та й лютая
Вырве ми серденько.

Туга за милою

Из за горы, из за лѣса
Вѣтрець повѣває:
Скажи, скажи, тихій вѣтре,
Як ся мила має?

Чи здорова, чи весела,
Лично румяненьке;
Чи сумує, чи горює,
Чи личко блѣденъке ?

'Бо я тужу, бо я плачу,
Слезами вмываю съ',
Веселой годиноньки
Вже не надѣваю съ'!

Кобы менѣ крыльцѣ мати,
Соколом злетѣти,
Тяжку тугу из серденька
При милѣй розбити!

Ой, лѣтав бы 'м, ой, лѣтав бы 'м
Що день и що ночи,
Що б' ся милѣй у сивеньки
Надивити очи.

Ой, лѣтав бы 'м, ой, лѣтав бы 'м
Зарями ясными,
Що б' менѣ ся натѣшити
Ручками бѣлыми.

Ой, лѣтав бы 'м, ой лѣтав бы 'м
Свѣтом бѣлесеньким,
Що б' менѣ ся натѣшити ,
Личком румяненьким.

Ой, лѣтав бы 'м, ой, лѣтав бы 'м
Вечером тихеньким,
Що б' менѣ ся натѣшити
Ходочком дробненьким.

Ой, лѣтав бы 'м, ой, лѣтав бы м
Лѣсами горами,
Що б' менѣ ся натѣшити
Милыми словами.

Ах ! я бѣдный, нещасливый,
Да й крылець не маю,
Сохну, чахну в далечинѣ,
Всяк день умераю!

Днѣсированка

Днѣстрованка мила
Цвѣтоночки садила,
Водов пôдливала,
З тихенька спѣвала:
— „Ростѣт' ми, цвѣточки,
Райскіи дѣточки;
Ростѣт' ми весною,
Розвиньте съ' красою;
Лѣтом ми зацвѣйте,
Головку пристройте
Менѣ молоденъкъй,
Строити съ' радненъкъй!“ —

Д у м к а

Нѣс ся мѣсяцъ ясный небом
Там 'де зоря ясна:
„Летѣв хлопецъ чистым полем
'Де дѣвчина красна.

Часом мѣсяцъ и сойшов ся
С тьмавою хмарою:
Не раз хлопецъ поборов ся
С журною гадкою:

— „Журна гадко, печалива,
Чог' ты мене гонишь ?
ІЦо ми житъє згôрчиваешь,
В серце тугу ронишь ?

Уступи ся, лиха нене,
С вѣтром в лѣсы-горы,
Най по тебѣ чутка згине,
Як слѣды на морѣ.

Най радоши мо'му серцю,
Най надѣя 'трає:
Най ми доля веселенька
Птичкою спѣває !”—

О себе Маркиан Руслан написал однажды коротко:

*Русин я си зъ роду, темъ ся величаю,
Люблю просту щиростъ, храню руски нравы...*

Услышим ли?

Не по этой ли дороге ушел из родного обожаемого Подлесья 200 лет назад Маркиан Шашкевич, чтобы вернуться сюда...
Навсегда...

